

Сказочная повесть «Желудёвый фрегат»

Автор: Ульяна Фердман (Сергеева)

Блог автора: https://vk.com/uliana_blog

Посвящается тем, кто любит

Тем, кто терял

Тем, кто верит и обретёт

Глава 1

В том году зима выдалась суровой: жестокие ветра гремели по крышам, словно обутые в чугунные сапоги, а метели сыпались не переставая, наметая всё больше и больше снега. Дома хмуро выглядывали из-под сугробов своими плотно зашторенными окошками, дневной свет сочился в комнаты тонкими нитями, прозрачными, как рассветный туман.

Олли грел ладони у гудящей печки. С беспокойством посматривая на деревянные часы, назойливо тикающие на весь дом, мальчишка не мог сдержать волнения. Вечером обещали пургу, а папа всё ещё не вернулся со службы.

Папа Олли работал сельским почтальоном. В любую погоду он шёл в почтовое отделение – покосившийся ветхий домик недалеко от Морской площади. Аккуратно складывал в объёмную сумку письма и открытки, ставил на сани стопку коробок и посылок и развозил адресатам. Зимой он работал допоздна, пусть и старался выбирать самые удобные, расчищенные от снега маршруты, а иногда – чего греха таить – весело скатывался на санях с горок вместе со своим грузом, чтобы успеть вернуться к ужину.

Ведь папа Олли, добрый и грузный Арто, знал, что дома его ждёт сын. А человек всегда стремится душой туда, где его ждут...

Мороз крепчал, папа запаздывал, а маленький Олли всё грел у звонкой, поющей печи замёрзшие руки, поглядывая в приоткрытую дверцу огневого домика: поленья, сгорая, недовольно ворчали, нехотя отдавая своё ароматное древесное тепло. Олли вздохнул, снова посмотрел на часы, подошёл к железной плитке и помешал в глубокой кастрюльке незамысловатый ужин: варёный картофель с тёртым сыром. Пошарил руками в кухонных шкафах и впервые за вечер улыбнулся. При слабом свете свечей разглядел в глубине ящика наполовину полную маслёнку. Золотистое оливковое масло напоминало о солнце, летнем зное и пыльных деревенских дорогах. И о маме, которая пекла на этом масле самые вкусные тёплые лепёшки во всей округе. Нет, на целом свете!

Олли снова вздохнул. «Слишком много вздохов для одного вечера,» – сказала бы мама.

Мальчишка, хоть и был очень мал, уже знал много грустных слов. И одним из самых печальных на свете было вот это коротенькое «бы».

Если бы мама не простудилась, набирая ледяную воду в проруби. Если бы она раньше отправила Олли за врачом. Если бы у папы в тот день было меньше работы. Если бы...

Но всё случилось так, как случилось – и это, пожалуй, было той непреложной истиной, которую Олли усвоил с детства. У мальчика был упрямый нрав и сильный характер, но он уже понимал, что не всё в мире подвластно человеческим желаниям.

И всё же Олли верил, что человек может многое – ведь ему дарован необъятный мир со своими тайнами, открытиями и чудесами природы. У человека есть сердце, способное любить, и душа, умеющая мечтать...

Скрип петель и громкий хлопок двери впустили в дом свист пронизывающего ветра и стук папиных шагов. Мальчик отвлёкся от раздумий. Папа вернулся! Дом из обычных стен, окон и крыши сразу превратился в уютный очаг, заполнился разговорами и посвистыванием пузатого чайника.

Арто стряхнул снег с воротника пальто и рукавов, повесил одежду сушиться, обнял сына и звонко поцеловал его в лоб.

– Скучно тебе без школы, сынок, – посетовал отец. – Занятия снова отменили из-за холодов. Как будто у нас, северян, бывают

другие зимы! Наверное, учитель ваш из других мест к нам пожаловал. Нездешний он. Иначе понимал бы, что нашим детям учение зимой – лучшая забава!

Олли накрывал на стол, раскладывая еду по оловянным чашкам.

– Ты прав, папа, сидеть дома мне наскучило. Но ведь я могу выходить гулять, пока ты на службе. Разреши мне!

Арто задумчиво подкрутил усы.

– Нет, сынок, морозы нынче лютые, боюсь, не уберегу тебя. Я теперь опасаясь простуд, как чёрта! И все друзья твои дома, в тепле сидят, или с родителями на службу ходят. Хочешь завтра со мной на работу? Будешь мне помощником. А если устанешь или замёрзнешь, подождёшь конца дня у кого-нибудь из соседей.

Олли от восторга закрутился волчком и запрыгал на одной ножке:

– Конечно, папа! Утром разбуди меня пораньше, я хочу основательно собраться!

Отец приобнял мальчугана и засмеялся в усы:

– Если хочешь собраться основательно, сделай это с вечера.

Олли с пониманием кивнул. По утрам всегда что-то идёт не так: то печка не растапливается, то свечи гаснут не вовремя, то

вода не греется и кофе не варится. С вечера и правда лучше!

Пока папа отдыхал у очага и отогревал озябшие ноги, Олли быстро собрал свою котомку: забросил в плотный холщовый мешок сменные пуховые варежки, любимый деревянный паровоз с тремя вагонами, книжку с картинками и пять лимонных леденцов – себе и кому-нибудь ещё, угостить.

Перед сном отец и сын сыграли в слова и в шашки, Олли слушал захватывающие истории о папиной озорной юности. Затем они прибрали в шкаф посуду, погасили свечи и стали готовиться ко сну.

Арто ласково подоткнул Олли одеяло, похлопал его по плечу, шепнул «Доброй ночи» и отправился посидеть немного у окна.

Обожжённые морозом звёзды мерцали, как начищенное песком серебро. Деревенские дома мирно спали, укрытые тяжёлым снежным одеялом. Арто слушал зимнюю ночь и своё сердце. Раньше в это сумеречное время он сидел у окна и слушал, как его жена Терхи пела колыбельную сыну.

Теперь в этом доме больше не звучали колыбельные. Но Терхи, его Терхи с голубыми, как топаз, глазами и пепельно-русыми вьющимися волосами словно по-прежнему была

здесь. Она сохранилась в каждом предмете и воспоминании, в складках штор и трещинках на грубом полу.

Арто глубоко вздохнул, оглянулся на спящего сына и улыбнулся. Какое счастье, что он не один. У него есть Олли, а у Олли есть он – а там, где двое, никто не будет ужасно, страшно, дико одинок.

На небосводе зажглась лампой жёлтая луна. Арто засыпал, а в деревне продолжал неслышно падать невесомый сверкающий снег.

Глава 2

Утром, позавтракав свежим хлебом с сыром и кофе, отец и сын отправились в почтовое отделение. За ночь мороз окреп, и Арто пришлось растапливать лёд в замочной скважине, а Олли – уговаривать папу всё-таки взять его с собой на службу.

Дверь была наконец отворена, необходимые условия приключения озвучены, и, взяв сани, сумки и хорошее настроение, Почтальон и его маленький помощник вскоре достигли Морской площади. Арто погрузил на сани посылки, вручил сыну лёгкую поклажу с письмами и отметил в записной книжке нужные адреса.

Олли светился воодушевлением и любопытством. Он прыгал на одной ножке вокруг Арто и спрашивал:

– Папа, можно я буду звонить в дверные звонки или стучать тяжёлыми чугунными кольцами?

– Можно, – улыбался Арто.

– А можно я сам буду вручать письма? Я буду делать серьёзный вид, как будто там очень важные вести!

– Можно, – хохотал папа, не в силах сдержаться.

– А можно я... – продолжал Олли, пряча руки в елово-зелёные варежки и кутаясь в шерстяной шарф до самого кончика носа.

– А можно ты не будешь говорить на холоде? – мягко возразил Почтальон, и остаток пути они проделали в молчании.

Олли помогал отцу везти нагруженные сани и осматривался по сторонам. Они шли у кромки соснового леса. Заснеженные вершины могучих деревьев покачивались на ветру, словно старушки, беспрестанно качающие седыми головами: «ай-ай-ай»... Вдали, чуть левее, блестела на солнце дубовая рощица. А за ней шумело сизое, леденяще-холодное, северное море... То есть должно было шуметь.

...Стояла непривычная тишина.

Олли резко остановился и встал, как вкопанный.

– Что ты, Олли? – обеспокоенно спросил его отец.

– Море молчит, папа, – встревожился мальчик.

Арто понимающе кивнул. Тем, кто родился у моря, его шум так же привычен, как биение сердца в груди.

– Ночью ударили такие морозы, что прибрежные волны могли превратиться в лёд. Давай отнесём самые срочные посылки и спустимся к воде, проверим, в чём там дело, – предложил отец.

Олли задумался, бросив на высокую гору посылку оценивающий взгляд.

– А ты разрешишь мне сбегать вниз прямо сейчас? Я мигом всё узнаю и догоню тебя через пару домов, скажем... – он внимательно читал имена адресатов, – скажем, у дома госпожи Маритты?

Арто кивнул. В деревне все знали Олли, и никто здесь не мог причинить ему вреда. А так он побегает и согреется.

– Идёт. Только смотри в оба: туда и обратно! – строго наказал он.

Олли подпрыгнул от восторга и, махнув рукой, стрелой умчался вниз по склону.

Снег скрипел под подошвами тяжёлых сапог, отороченных мехом, ветер хлестал по щекам, будто ветви деревьев. Наконец Олли, спотыкаясь и спеша, добежал до склона, лихо скатился вниз, оказался на морском берегу и...застыл, как ледяная фигура.

Море, его любимое, живое, шепчущее сказки море – оно не пело и не говорило, не шелестело и не приносило к берегу свои дары.

Оно торжественно молчало, спрятав свои тайны под ледяным покровом. Лишь вдали, где могучие тёплые течения не оставляли морозам шанса победить себя, тихо плыла под снегом морская вода. Снежинки падали на её гладкую шёлковую поверхность, а затем таяли, становясь частью необъятного глубокого моря.

А вот у берега, на мелководье, волны замерли, закружившись в ледяном вихре. Здесь время остановилось. Сад ледяных скульптур встретил маленького Олли и огорчил до глубины души, как бы ни были прекрасны ледяные гребешки волн и застывшие капли морской воды на снегу.

Олли молча созерцал эту утончённую шутку природы: северное море, превратившееся в глыбу льда. Настоящий ледяной каток...

Недалеко от берега из-под льда гордо выглядывали каменные валуны. Летом местные

мальчишки ныряли с них в глубокие воды. Сейчас эти массивные камни напоминали трон в ледяном царстве.

Олли смахнул со щеки внезапную слезинку: он чувствовал себя так, будто его разлучили с лучшим другом. Море и было его другом. Не слишком ли много утрат для одного мальчика?

Он поглубже натянул вязаную шапку и повернулся, собираясь бежать обратно, к отцу.

Но вдруг что-то неожиданное, какой-то шум, расколовший тишину надвое, как ореховую скорлупу, заставил его остановиться. Звук доносился от валунов.

Глава 3

Олли пристально всматривался в сторону валунов и изо всех сил напрягал слух – ничего необычного. Но ему нужно было узнать, что же это было! Минуту он колебался между данным отцу обещанием и жаждой приключений. Разумеется, победило то, что всегда выигрывает в этом неравном выборе в восьмилетнем возрасте. Приключение звало его ещё громче, чем шёпот утраченного, уснувшего подо льдами моря!

Мальчишка покрепче затянул ремешок котомки на плече и оглянулся по сторонам: вокруг никого не было. Только снег падал на лёд, как клочки бумаги, да ветер пел свои северные песни.

Олли глубоко вздохнул и ступил на ледяную рябь волн. Один шаг по льду. Другой. Третий. Мальчик зажмурился и, набрав полные лёгкие морозного воздуха, бросился бежать по льду в сторону валунов.

И вдруг звук повторился. Это был не то шорох, не то голос – в порыве ветра невозможно было разобрать. На мгновение Олли испугался: а вдруг это Дух моря воет там, среди валунов, закованный в ледяные цепи? До камней оставалось всего несколько шагов. И Олли решительно продолжил рискованный путь.

Наконец он подошёл к древним камням, горделиво выглядывающим из-под льдов, и осторожно заглянул на каменную площадку, ожидая увидеть загадочное нечто.

Но это был некто!

Олли разочарованно вздохнул. Клубочки пара взвились вверх и растаяли в воздухе, словно прошлогодние снежинки.

Перед ним на каменном полу сидел Петри, его заклятый враг, и издевательски ухмылялся!

(Нельзя сказать, что Олли и Петри дрались друг с другом при каждой встрече или испытывали обоюдную ненависть. Они всего лишь любили доказывать свою точку зрения, не признавая чужого мнения. Но в этом возрасте у каждого уважающего себя мальчишки есть некий «враг», и обязательно «заклятый» – ведь это звучит так грозно и романтично!)

– Что ты тут делаешь? – первым нарушил молчание Олли, одарив Петри ответным презрительным взглядом.

– Нет, это ты что тут делаешь? – не растерялся Петри, смахивая со лба непокорную русую чёлку, выбившуюся из-под шапки.

– Я надеялся найти тут что-нибудь поинтереснее, чем ты, – уныло признался Олли и повернулся, чтобы уйти.

– Постой, – примирительно сказал Петри. – Тебе разве не любопытно, чем я тут занимаюсь?

– Очень-то мне нужно знать! – с притворным равнодушиемотреагировал Олли.

Петри несколько секунд смотрел на него, а потом вдруг признался:

– Я хотел наловить рыбы тайком от матери, сделать ей сюрприз. А лёд такой толстый, что я не смог сделать прорубь и вот зашёл сюда, спрятался от ветра среди камней.

Только сейчас Олли обратил внимание на удочку, топорик и банку с наживкой, стоявшие в углу каменного укрытия.

Олли знал, что мама Петри была швеёй, а отец – лесорубом, жили они скромно, и мальчик решил помочь ровеснику устроить рыбный пир для своей семьи. Да и что скрывать – Олли страсть как захотелось помахать топориком, пока никто не видит!

– Давай вместе порыбачим? – спокойным тоном предложил он.

Петри взглянул на него с изумлением:

– Вместе? Это мы-то? Ты будешь рыбачить со мной после того, как залил чернилами мою книгу? А я с тобой после того, как дразнил и обзывал тебя?

Олли кивнул:

– Помирился на время. Только на то время, что мы здесь, посреди моря. А потом возобновим войну. По рукам? – И он чистосердечно протянул Петри руку.

Петри с чувством пожал её, и оба задумались – а может быть, не так уж и плохо, что они случайно встретились здесь одни, где никому не нужно показывать, что они «заклятые враги»?

Олли внимательно посмотрел на Петри: у того была добрая улыбка, когда он переставал что-то из себя изображать.

«Как меняются люди, если смотреть на них глазами любви», – подумал Олли и тут же спохватился:

– Ну что, пойдём рубить? Показывай место!

Петри с готовностью вскочил, протянул Олли топорик, ступил на лёд и показал неподалёку от валунов:

– Давай вот здесь!

Олли потёр руки, поправил шапку и взмахнул топориком. Раз! Ото льда откололись крохотные кристаллы. Два! Небольшие пласты льда и снега отлетели в сторону. Три! Четыре! Пять!

– Осторожнее, Олли! – вдруг вскричал Петри, пятясь назад.

Перед мальчишками показалась маленькая прорубь – ледяное окошко в северный подводный мир.

– Получилось! – с восторгом закричал Олли. – Неси удочку, давай закидывать!

– Олли, не двигайся, – услышал он предостерегающий голос Петри.

– Что такое? – с недоумением обернулся Олли.

И вдруг он услышал хруст – едва уловимый, словно на лесную ветку наступил заяц или ёжик.

Петри со страхом в голосе закричал:

– А теперь беги!!!

И Олли побежал, или подпрыгнул, или взлетел, он потом и не мог вспомнить – мальчишка увидел, как под подошвами сапог трескается лёд, и волна страха словно подбросила его и опрокинула на каменные валуны.

Полежав на спине, Олли отдышался, встал и взглянул в сторону проруби.

Море, сбросив ледяные оковы, праздновало свою свободу, играючи сталкивая между собой большие льдины.

Подул жестокий ветер. Несколько метров между берегом и валунами превратилось в ледяную морскую пляску.

Олли и Петри с ужасом переглянулись и попятились в глубь каменного острова.

Мальчики были отрезаны от берега. Они остались одни.

Глава 4

На вершине холма стоял крепкий ухоженный домик. Обдуваемый со всех сторон жгучими ветрами, он, казалось, не унывал и не мучился от холода, а лишь прямее расправлял свои стены. Дом, как и люди, становился сильнее от выпавших на его долю испытаний.

В окне этого скромного жилища всегда ярко горела свеча, словно луч маяка для заблудившихся путников. К хозяйке дома, Маритте, и правда часто приходили за советом, поддержкой и утешением.

Никто уже не мог вспомнить, когда именно Маритта здесь поселилась; она стала частью деревни, как лес, море или горы. Похоронив мужа и вырастив дочерей, Маритта открыла свои двери для друзей и детей. Для каждого у неё в кармашке передника находилось доброе слово, слёзы сочувствия или щедрый кусок пирога.

Она была стара, но увядание её жизни сопровождала красота: доброе лицо, морщинистое, как печёное яблоко, то и дело озаряла нежная улыбка, а губы помнили, как шутить и целовать.

Время всё рассудило справедливо: теперь жемчужно-серебристые волосы Маритты,

заплетённые в тугую косу, оправдывали её «жемчужное» имя.

Дочери разлетелись по соседним деревням и свили уютные семейные гнёзда. Каждую неделю Арто приносил их матери новые письма; иногда в конверты были вложены детские рисунки или обведённые контуром ладошки внучат. Летом внуки приедут погостить, и Маритта расскажет им сотни старинных сказок.

А сейчас она поставила на плиту кофейник и, взяв прихватки, стала доставать из пышущей жаром духовки лист свежей выпечки.

Маритта ждала новых писем, а значит, и Арто. В зимние ненастья так важно согреть другого – он был ровесником её дочерям, и женщина привязалась к этому добродушному человеку.

Наконец Маритта увидела, как Арто поднимается на холм, прорываясь сквозь снежные вихри. Преодолев подъём, мужчина остановился у знакомых ворот и огляделся по сторонам, словно ища кого-то.

Маритта стояла у окна и ждала. Через несколько минут Арто направился к дому, где его радушно встретила улыбчивая хозяйка. Манящие ароматы кофе и корвапуусти – коричневых булочек – согрели почтальона и отвлекли от тревог.

– Маритта, неужели вы печёте коричные булочки в будни? Уверен, это противоречит всем правилам, – по-дружески обратился он к давнему другу.

– Арто, я так стара, что не помню всех правил! Их слишком много, – рассмеялась Маритта тихим смехом, лёгким, как снежинка. – Да и потом, разве стоит ждать воскресного дня, чтобы устроить себе маленький праздник? Садись, кофе уже готов, – и хозяйка разлила кофе по чашкам, приглашая за стол.

Арто нерешительно мялся на пороге.

– Не сегодня, дорогая. Понимаете, мой сын, Олли, пошёл на службу со мной. А потом побежал смотреть на застывшее море. Мы договорились встретиться здесь, у вашего дома, но его нет, и я не смогу пить кофе, есть булочки и греться, пока мой мальчик там, в этом снежном буране. И куда он мог пойти? Ох уж эти мальчишки, вечно их манит куда-то! – отец поднял на Маритту глаза, полные тревоги, передал ей драгоценные письма и собрался уходить.

Тогда она завернула в вощёную бумагу несколько булочек, ещё тёплых, и протянула Арто.

– Это вам с Олли. Но помни, вы должны мне дружеский визит! В любое время дня и ночи...

– ...пока в окне горит свеча, – закончил за неё Арто. – Спасибо, Маритта! Пойду поищу его у друзей, загляну в школу – вдруг они затеяли соревнования или драку. Что там ещё устраивают эти сорванцы? Играют в войну? Какое счастье, что сейчас нет настоящей войны. У детей есть время на разные необходимые глупости, шалости и приключения – всё то, что называется детством.

Маритта задумчиво слушала его, глядя на колыхавшийся от дверного сквозняка свечной огонёк, а потом негромко ответила:

– Самые главные войны – это те, что ведутся у нас в душе.

Арто вздрогнул, кивнул в ответ, поблагодарил за булочки и вышел.

Обжигающие ветра ожесточённо набросились на него, стараясь сбить с ног. Тропинки засыпало снегом. Но отец невозмутимо шёл вперёд, твёрдо намереваясь найти своего мальчика.

«Я не буду его ругать, – подумал Арто. – Лишь крепко-крепко прижму к себе, успокою и отведу в наш тёплый, надёжный дом. Наверное,

он уже сейчас идёт мне навстречу. Обещаю, что приведу его домой, моя дорогая Терхи».

Глава 5

Время – удивительная материя. Когда нам весело, тепло, хорошо и приятно, минуты бегут незаметно. Тогда мы не чувствуем времени и не осознаём, оно существует словно отдельно от нас. Есть мы – и есть время. Невидимая мантия дней и ночей, безликий распорядок дел и событий.

Но иногда время обретает лик, и в моменты печали, опасности или одиночества — это вовсе не лицо друга.

Мальчики провели на каменных валунах в море несколько часов, а казалось — целую вечность. Сначала они надеялись на то, что отец Олли пойдёт искать сына у моря, но берег оставался пустынным. Тогда Олли и Петри пробовали звать на помощь. Они кричали, пока не охрипли, но зимние морские ветра заглушали их голоса.

Им оставалось только ждать.

И это было самое страшное.

Ведь пока ты что-то делаешь во имя своего спасения, ты надеешься. А если приходится

смириться и ждать, надежда тает, как зажжённая восковая свеча.

– Ума не приложу, что нам ещё делать! – с горечью воскликнул Олли, глядя на тёмную ледяную воду, которая, словно насмехаясь, лизнула край его сапог. Мальчик отступил назад и повернулся к Петри:

– Как ты всё-таки думаешь, нам не доплыть? – со слабой надеждой спросил он и вдруг испуганно бросился к своему спутнику.

Петри спал.

Спал крепким сном, убаюканный шелестом волн, холодом и голодом.

Мороз крепчал, снег крупной солью царапал щёки, но мальчик всё равно не просыпался, как бы соглашаясь с печальной развязкой приключения.

Олли подбежал к нему, схватил за плечи и решительно потрянул.

Петри с недоумением приоткрыл глаза и недовольно буркнул:

– Чего тебе, Олли? Дай поспать.

– Чего мне? – возмущённо закричал Олли.

– Чего мне, я тебя спрашиваю? Не смей спать! Мы замёрзнем тут, если уснём! И нас так и не найдут, понимаешь? Нам нельзя спать!

– Спать нельзя. Есть нечего. Помощь будет неизвестно когда, – подвёл итоги Петри. –

Может, и правда поплывём? В куртках тяжело, придётся снять. А потом что? Даже если доберёмся до берега – плаваем мы оба недурно – мы схватим воспаление лёгких и всё, прощай. Что за идиотская смерть – погибнуть от простуды!

Олли отвернулся, сдерживая гнев.

– Прости, Олли! – спохватился Петри. – Я вовсе не то имел в виду! Слушай, я не представляю, что ты перенёс, когда твоя мама... Мне очень жаль, правда. Я лишь хотел сказать, что разумнее ждать помощи, вот и всё.

Олли махнул рукой:

– Я не из-за этого зол, Петри. Да, я злюсь, что с моей мамой случилось несчастье, но как же я сейчас сержусь на себя! Зачем я пошёл к этим валунам? Почему я так глупо взялся за эту прорубь? – Мальчик схватился за голову и присел на свою котомку.

– Может быть, затем, чтобы мне не пришлось бороться со всем этим в одиночку? – тихо сказал Петри.

Олли удивлённо поднял на него глаза.

– Об этом я не подумал. Может быть, и так. Но я не хочу даже допускать мысли о том, что придётся пережить моему отцу, если... Сколько мы здесь? Три часа? Четыре? Уже темнеет. Можно обойти всю деревню за пару часов,

почему всё ещё никто не ищет у моря? И есть так хочется...

При воспоминании о еде желудок предательски сжался. Олли подумал о буханке ржаного хлеба, которую отец принёс вчера домой. Если отщипнуть от неё ломоть, душистая корочка аппетитно хрустит. Мальчик вздохнул. Надо же было взять с собой из дому какие-то леденцы, а не кусок хлеба!

Он хлопнул себя по лбу. Леденцы!

Поискав на дне сумки, Олли выудил пять лимонных карамелек. Впервые за это утро Петри рассмеялся и доверчиво раскрыл ладонь, сняв промокшую рукавицу.

Олли улыбнулся и протянул ему один леденец. Развернул второй для себя, осторожно, чтобы не уронить, снял солнечно-жёлтую обёртку. Остальные конфеты убрал обратно в сумку.

Петри понял его без слов.

На деревушку, на бушующее море, на соседние города опускались серебристые зимние сумерки. Из домов вился уютный печной дымок.

Олли вздохнул и сказал:

– Хорошо, поспи немного. Часов нет, я буду считать до тысячи. Потом разбужу тебя и

поменяемся. Кто-то один должен сторожить, чтобы не пропустить помощь. Понимаешь?

Петри серьёзно кивнул. И провалился в беспокойный сон.

Глава 6

Олли сосчитал до тысячи один раз, два, три. От волнения он, напротив, не хотел и не мог спать, поэтому решил охранять Петри и верить в их спасение. Мальчик дул на озябшие пальцы, пытаясь согреться, поднял воротник куртки, замотался шарфом до глаз.

Отчаиваться было нельзя. Он был готов бороться с холодом до последнего, он верил, что это не напрасно. Их найдут, обязательно найдут – этой ночью или на рассвете, и найдут живыми. Обогреют, накормят, вылечат – он верил! Олли мечтал протянуть руки к отцу, зарыться носом в меховой ворот его пальто, почувствовать колкость небритой щеки. Мальчик словно ощутил рядом отцовское тепло и воспрянул духом.

«Мне нужно чем-то отвлечься, иначе я сойду с ума от тревоги», – решил он и порылся в карманах.

Олли долго выуживал по одной вещице их бездонное содержимое. Он мучительно выбирал, бросая что-то на каменный пол, и вот в руках осталась горсть предметов.

Мальчишка удовлетворённо хмыкнул и, подышав на плохо слушавшиеся пальцы, принялся мастерить. Расколол пополам осенний жёлудь, пахнувший дубовой рощей. Взял тонкую лучину, разделил на четыре части. Из двух палочек сделал мачты, а две покороче определил для вёсел. От куска берёзовой коры отделил прозрачно-белую, как туман, бересту, соорудил два крохотных паруса. Закрепил мачты с парусами кусочком липкого сургуча, разогрев его в ладонях.

Олли не заметил, как пролетело время. Закончив работу, он огляделся по сторонам и понял, что наступила морозная северная ночь. Грозные ветра подгоняли волны, точно матери, укладывающие спать расшалившихся ребятишек. Звёзды сияли высоко в небе.

Олли с торжествующей улыбкой рассматривал своё изобретение: у него получился настоящий желудёвый фрегат! Кораблик помещался на ладошке, волшебный и горделивый.

Завтра утром он покажет фрегат папе, теперь мальчик не сомневался в этом. Какая

искусная получилась работа! Если присмотреться внимательнее, кажется, что берестяные паруса колышутся на ветру, а на желудёвой палубе видно крышку трюма и капитанскую рубку...

Олли вздрогнул и в ту же секунду провалился в небытие.

Глава 7

Арто продолжал бродить по глубоким сугробам, увязая в снегу. Ветер резко хлестал по лицу, как пощёчины.

Почтальон старался уверить себя в том, что всё будет хорошо, что Олли всего лишь увлёкся какой-нибудь мальчишеской затеей и скоро он увидит его. Но отцовское сердце предательски заныло, когда Арто заметил вдали, возле здания школы, несколько взрослых и детей.

«Олли, мой Олли! Что могло случиться?» – со страхом думал он, ускоряя шаг.

Подойдя ближе, Арто увидел друзей сына и их родителей. У всех были расстроенные, обеспокоенные лица.

Они стояли вокруг отца и матери Петри и наперебой пытались их утешить.

Арто прислушался:

– Не волнуйтесь так, дорогая! Наверняка Петри загостился у кого-то из местных, – увещевала одна женщина взволнованную мать.

– Петри хорошо знает эти места, заблудиться он не мог, – уверял отца мальчика деревенский пекарь.

Арто вмешался:

– Простите, расскажите мне, что случилось. Мой Олли сегодня ходил со мной на службу, а потом отошёл ненадолго к морскому берегу и не вернулся. Я обошёл дома всех его друзей, а вы все здесь. Что с Петри?

Швея, мать Петри, подняла на него заплаканные красные глаза:

– Наш Петри убежал утром из дому, сказал, что готовит нам сюрприз. И всё ещё не вернулся, и никто его не видел!

Отец Петри, лесоруб с обветренным лицом, угрюмо молчал и хмурился.

– Он что-нибудь взял с собой? – уточнил почтальон.

– Нет, ничего! Ни еды, ни одежды. Куда он мог уйти в такие морозы! – и женщина снова расплакалась. Соседки подошли ближе, обняли её и принялись шёпотом утешать.

Арто подошёл к лесорубу и пожал ему руку.

– Вы уже обошли всю деревню, верно?

Лесоруб кивнул и глухо ответил:

– Да, Арто, всё обошли. Твоего Олли тоже не видели.

– Так может, они сейчас где-то вместе? – с надеждой в голосе произнёс Арто.

Лесоруб усмехнулся.

– Может быть, и так, только не знаю, хорошо это или плохо. Враждуют ведь они.

Арто покачал головой:

– Тут уже неважно – враждуют, дружат. В такой лютый холод и волк будет рад компании. Ты проверил сарай? Может, твой Петри взял что оттуда? У моего Олли с собой только пара игрушек, книга да пакет карамелек, – и почтальон вытер глаза тыльной стороной руки.

– Давай так, – продолжил Арто. – Я пойду на берег, быть может, им там вздумалось играть, прятаться или драться. Или случилось чего. А ты проверь дома ещё раз, вдруг чего не хватает. Ну, бывай.

Арто оставил взволнованных соседей позади и быстрым, широким шагом отправился на берег. По пути он встретил ещё одного соседа, старого Джона. Тот с трудом двигался по сугробам, опираясь на палочку.

– Арто, ты? – близоруко прищурившись, уточнил старик.

– Я, Джон. Простите, я спешу, в другой раз,
– на ходу бросил Арто, торопясь к берегу.

– Подожди, подожди, – сосед тяжело задышал, пытаясь его догнать. – Я слышал, Петри потерялся. Я тут видел одного мальчика, недалеко, за третьим холмом, одинокий, за плечом котомка. Не он?

Арто торжествующе вскрикнул, обнял старика и, идя навстречу метели, скоро достиг третьего холма. Вдалеке он и правда увидел мальчика, тот шёл медленно, сгибаясь под суровыми ветрами. Почтальон догнал его так быстро, как мог. Ветер заглушал голос. Арто дотронулся до мальчишеского плеча, и сердце его упало от разочарования. Это был сын молочника из соседнего села. Мальчишка смотрел на него испуганно, поправляя съехавшую набок шапку и гремя пустыми стеклянными бутылками в холщовой котомке.

– Что такое? Я забыл отдать вам сдачу за молоко? – сбивчиво спросил он, прикрывая ладонью глаза от ветра.

– Нет-нет, прости, парень, – громко, перекрикивая метель, ответил Арто. – Я ищу сына. Иди осторожнее, ну и погода сегодня!

Мальчик робко улыбнулся.

– Хорошо, сэр. Наверное, ваш мальчик заигрался и забыл о времени. А что на море

творится, ужас! Мать отправляла меня на коньках кататься, вот выдумала. А море-то возьми и тресни, как зеркало!

Арто окаменел от ужаса.

И тут он понял, откуда доносится шум.

Метель пела свои грозные песни, но что-то подпевало ей. И это было море.

Почтальон махнул сыну молочника рукой и бросился назад к морю. Бегом спустившись вниз с холма, он увидел на берегу безутешного отца Петри. Льдины бились друг о друга; волны перекатывали их, словно леденцы во рту.

– Что ты узнал? – вскрикнул Арто, хватая отца Петри за плечи и встряхивая его.

Сбросив оцепенение, тот ответил, с трудом шевеля губами:

– Ты был прав. Петри взял кое-что. Из сарая пропали удочка, снасти и топорик для льда.

Арто глухо застонал и с последней надеждой посмотрел на каменные валуны в морской дали.

– Рыбаки уже бегут сюда, – понял его взгляд лесоруб. – Пойдём, поможем им дотащить лодки.

И отцы с горечью переглянулись, объединённые несчастьем. Как же сложно надеяться на лучшее, когда ты уже знаешь жизнь!

Глава 8

Олли почувствовал на щеке ласковое, тёплое прикосновение солнечного луча и проснулся. Он потёр глаза и потянулся. Зимняя одежда казалась непривычно тяжёлой. Суровые северные ветра превратились в тихий морской бриз. Солнце светило по-летнему ярко и обжигало согревшиеся руки.

«Неужели мне всё это приснилось?» – подумал Олли, осматривая руки, ноги, пол под ногами. – «Приснился лютый холод, замёрзшее море, каменные валуны, Петри... Пойду поищу отца», – решил мальчик и встал на ноги, отряхивая штаны.

Он выпрямился во весь рост и в ужасе застыл.

Вокруг, сколько хватало взгляда, плескалось ослепительное бирюзовое море. Солнечные зайчики прыгали по воде. Водная гладь была покрыта маленькими бугорками волн, словно вспаханное картофельное поле. Белая пена, похожая на кипящее молоко, бурлила и шипела.

Олли часто задышал, потом постарался взять себя в руки, глубоко вздохнул и осмотрелся. Если он в открытом море, значит... Он плывёт на корабле! Мальчик высоко задрал

голову. Над ним развевались огромные, словно крылья дракона, белоснежные берестяные паруса... А палуба, на которой он стоял, пахла дубовой рощей...

Желудёвый фрегат!

У Олли снова перехватило дыхание. Он вспомнил, как мастерил кораблик, ожидая помощи с берега, и вот он неизвестно где, а фрегат превратился в настоящий морской корабль! Нужно найти Петри. Только бы не остаться здесь одному... И главное, понять, где это – здесь.

Мальчик сбросил шапку, рукавицы, размотал отсыревший шарф. Скинул куртку, зимние штаны, оставшись лишь в майке и шортах. С наслаждением прошёлся босиком по нагретой солнцем палубе, почувствовал, как каждая клеточка тела согревается и возвращается к жизни. И тут услышал взволнованный голос Петри:

– Олли, Олли! Какая радость, что ты тут! Я тебя ищу везде, ищу, а ты солнечные ванны принимаешь! – и Петри раздражённо покачал головой.

Олли извинился, но с удовольствием отметил, что Петри тоже избавился от зимних одежд и у него выпавшийся, отдохнувший вид.

– Давай присядем, Петри.

– А кто поведёт корабль? – с сомнением спросил мальчишка.

– Как-то ведь он плыл до этого без нашего участия, – улыбнулся Олли. – Поплывёт и дальше.

– Разумно, – успокоился Петри. – Но куда это – дальше? И где же мы?

И Олли рассказал, как он ночью караулил сон своего нового друга, как нашёл в карманах жёлудь, бересту, лучину и сургуч; смастерил фрегат, а затем, похоже и сам уснул, утомившись от холода, голода и переживаний.

– И вот теперь мы здесь, на этом самом фрегате, – подвёл он итог своему рассказу.

– Ну и дела...– зачарованно выдохнул Петри. – Слушай, – вдруг обеспокоенно продолжил он, – а может, мы с тобой... Ну... Замёрзли? Там, на валунах? И теперь...

– Ты хочешь сказать, уж не умерли ли мы в ту ночь? – подсказал Олли. – Сомневаюсь. Понимаешь, в воскресной школе всегда рассказывают, что на небе тех, кто умер, встречают ангелы, а ещё – родные, те, кто ушёл из жизни раньше. А раз мама меня не встретила, я надеюсь, что мы живы.

Петри с облегчением выдохнул.

– Хорошо бы, уж очень жить хочется. Да и я ведь у родителей один. И твой папа... Сам понимаешь. Ещё версии есть?

Олли смотрел на сверкающее на солнце голубое море. Оно дышало, как живое существо.

– Мы попали в какую-то фантастически красивую страну. В другое измерение. В сказку. В волшебное приключение! – выпалил Олли. Его глаза сияли.

– И что мы будем делать? Купаться, ловить рыбу, готовить еду? Спать, загорать? – с сомнением в голосе спросил Петри.

– Нет, конечно. Мы будем грустить, вставать по будильнику и учить уроки, – серьёзным тоном ответил Олли и, не выдержав, расхохотался. – Мы в волшебном мире, Петри. Давай отдыхать и веселиться! Пойдём осмотрим фрегат и выберем себе по каюте. И проверим на всякий случай, нет ли тут ещё кого-нибудь.

Олли решительным шагом направился вниз по палубе, напевая пиратскую песенку, а Петри уныло поплёлся за ним следом, ломая голову над тем, как всё это произошло. Почему именно с ними? И, что не давало ему покоя – зачем?

Как бы то ни было, солнечные лучи приятно щекотали затылок, солёный морской воздух набивался в лёгкие, как табак в папину

трубку, а фрегат плавно скользил по волнам. И Петри осторожно, робко улыбнулся. А потом вздохнул и улыбнулся во весь рот. Как же тут всё-таки здорово! А все ответы можно найти и позже.

Главное – искать.

Глава 9

С наступлением сумерек на море разыгрался шторм. Волны поднимались всё выше. Арто со страхом и надеждой думал о том, что мальчишки спрятались там, в каменном укрытии валунов. И он, и лесоруб, и рыбаки – все громко звали мальчиков, но имена тонули в шуме снежной метели и ледяной воды. «Олли! Петри!» – раздавалось вновь и вновь, но волны словно смеялись над людьми и выплёвывали драгоценные имена обратно на берег.

Самые умелые рыбаки рискнули выйти в море, хотя никто из них не верил, что дети могут быть живы. Но рыбаки тоже были отцами, и они почитали веру и надежду родителей. И эти закалённые ветрами мужчины сели в лодки, направляя их к валунам. Сначала море восхитилось этим смелым поступком и приняло пропитанные смолой лодки, как старых друзей. Но через несколько мгновений бушующие воды

решили снова поиграть в морские бои, и лодки закружились на высоких волнах, как бумажные кораблики.

К счастью, ни одна лодка не перевернулась, и все доплыли благополучно. С берега почтальону, лесорубу и жителям деревни было видно, как рыбаки высаживаются на валунах, наклоняются, что-то поднимают. У Арто упало сердце. Лесоруб сжал губы.

После нового сражения с волнами рыбаки вернулись на берег, молча подошли к отцам и что-то передали им. В толпе кто-то вскрикнул. Мужчины почтительно сняли шапки и выпрямили спины. Женщины не смогли сдержать слёз.

В больших ладонях Арто лежало несколько фантиков от леденцов. В руках лесоруба безвольно висела удочка. Из лодки достали сумки ребят, снасти и топорик для льда.

Лесоруб непонимающим взглядом смотрел на вещи сына. Потом поднял пустые глаза на Арто, кивнул и нетвёрдой походкой пошёл прочь.

Отец Олли почувствовал, что у него дрожат руки. Коварный северный ветер подлетел и украл фантики из его ладоней.

Море украло у него сына.

А ветер забрал то последнее, что ещё хранило в себе тепло его рук.

И тут Арто не смог сдержать ту огромную, необъятную волну горя, которая захлестнула всё его существо. Он не то зарычал, не то закричал – возопил, как извергающийся вулкан, и от его леденящего душу крика словно на мгновение остановились бегущие волны, тени и облака. Звёзды вздрогнули, будто всю вселенную встряхнули, как стеклянный шарик.

От этого крика погасла свеча в доме Маритты.

Кто-то из мужчин подошёл к Арто, осторожно взял его под руку и отвёл домой.

В то место, что раньше было его домом, а теперь стало лишь набором стен, окон и дверей.

Несчастный отец всю ночь просидел у окна, смотря на звёзды. Он не мог ни о чём думать. Сердце нестерпимо ныло, и он не знал, сколько сможет ещё выдержать. И сможет ли.

На рассвете входная дверь скрипнула – Арто не закрывался на замок в эту ночь, и тихой поступью вошла Маритта.

– Здравствуй, Арто, – еле слышно сказала она.

Арто молчал.

Старушка подошла ближе и бережно коснулась его плеча. Помогла снять куртку, в которой он просидел всю ночь.

Затем Маритта затопила печь и сварила свежий кофе.

– Пей, – сказала она и поставила перед ним чашку.

Чашка осталась нетронутой.

– Ешь, – Маритта выставила перед почтальоном бутерброды с сыром.

Арто даже не посмотрел в их сторону.

Маритта нахмурилась.

– Дорогой мой, нашли только вещи, а не самих мальчиков. Я верю, что твой сын вернётся домой. Но когда он вернётся, ты должен быть здоров, чтобы открыть ему дверь.

Почтальон поднял на неё глаза и покорно взял чашку кофе и бутерброд.

– Спасибо, Маритта, – сказал он чуть позже, не узнавая свой голос. Он звучал как чужой.

– Я принесла кое-что для Олли, – немного замаявшись, сказала старушка. – Это банка с желудями. Когда он вернётся, мы посадим с ним небольшую рощицу тут неподалёку.

И Маритта поставила жёлуди на комод в прихожей. Затем укуталась в шерстяную шаль с

длинными кистями, набросила пальто и взяла в руки небольшую кастрюльку.

– Продолжай поиски, дорогой. Не сдавайся. Твой мальчик, может быть, как раз сейчас ждёт помощи. Вечером я ещё зайду к тебе. А пока отнесу тыквенный суп дочери нового столяра. Говорят, девочка очень больна.

Арто кивнул и стал собираться в дорогу. К нему вернулась надежда, и, каким бы трудным и долгим ни был путь, он был готов его пройти.

Глава 10

Северное солнце разливало по поверхности снегов своё скупое бледно-жёлтое сияние. Маритта шла к дому столяра, увязая в сугробах. Медная кастрюля с ещё тёплым тыквенным супом покачивалась в руках, и женщина с опаской поглядывала на свою ношу: донесёт ли? Было бы обидно пролить суп на равнодушный снег. С другой стороны, было так заманчиво добавить хоть немного ярких красок безразличной белоснежной зиме.

Наконец Маритта подошла к деревянному домишке на окраине деревни. Некогда ветхий забор подлатан умелыми руками нового хозяина, калитка гостеприимно приоткрыта. А

может быть, её в растерянности забыл запереть деревенский доктор.

Старушка подошла к самому крыльцу, поднялась по скрипучим на морозе ступеням и деликатно постучала.

Дверь открыл столяр. Он выглядел уставшим и измученным переживаниями. Маритта отметила, что он был небрит и мало спал в последние дни.

— Это вы... — увидев Маритту, столяр вздохнул. — Проходите, только ненадолго. Моя жена очень встревожена и не настроена принимать гостей.

— Я пришла не в гости, а лишь провести вас и чем-то помочь, если смогу, — дружески кивнула ему Маритта.

— Вам я всегда рада, — услышался из передней негромкий голос, а вскоре и сама жена столяра вышла навстречу. — Я поставлю чайник. У Ханны всё ещё сильный жар, иногда бред. Мы очень боимся за неё, — и промокнув глаза платком, хозяйка скрылась на кухне.

Маритта с молчаливой благодарностью отдала столяру пальто и шаль, оставила на кухонном столе кастрюлю с супом и, неслышно ступая, чтобы не докучать больной, зашла в детскую комнату.

Жена столяра накрыла чайный столик у окна – она не желала оставлять девочку одну.

Маритта тихонько присела на стул из орехового дерева и внимательно посмотрела на Ханну. Девочка лежала на кровати, укрытая разноцветным лоскутным одеялом, и беспокойно спала. Щёки покрылись лихорадочным румянцем, дыхание было частым и прерывистым; каштановые волосы разметались по подушке.

Во сне Ханна крепко обнимала подушку с вышитым дельфином.

– Дочка очень любит море, – шёпотом пояснила жена столяра, разливая по кружкам чай. – Я вышила для неё этого милого дельфина и сшила подушку, закончила работу только сегодня ночью.

Маритта обратила внимание на швейную машинку, стоявшую на комод, и обрезки ткани, упавшие на пол.

– Простите за беспорядок, – смутилась хозяйка. – Я сама не своя. Я так боюсь её потерять! – и женщина беззвучно расплакалась.

Её сердце разрывалось от боли и горечи, но она плакала тихо-тихо, чтобы ненароком не потревожить своё дитя.

Гостя по-матерински обняла хозяйку и погладила по волосам:

– Тише, тише... Успокойтесь, вот так. Ваша девочка поправится, вот увидите! Когда она проснётся, угостите её супом, я добавила в него целебных трав. Можно я зайду ещё завтра вечером? Я вам не помешаю?

– Нет, что вы! – смахивая непослушные слёзы, ответила мама больной. – Вы вселяете в меня надежду. Я буду ждать вас.

Маритта поцеловала хозяйку в гладкий высокий лоб, и пройдя в кухню, перемыла всю посуду и подмела полы, ласково отмахиваясь от неуклюжих протестов столяра. Затем, одевшись, она вернулась на просёлочную дорогу, в круговорот ветров и снега.

«Ханна поправится, – думала Маритта, тяжело взбираясь на холм к себе домой. – И Олли, и Петри вернутся. Я верю в это! Дети не должны уходить раньше своих родителей, так не задумано природой». Приободрённая, старушка вошла в свой дом, поставила на плиту кофейник и зажгла свечу в окне.

Вечер заполнился домашними хлопотами. Когда луна поднялась высоко над холмом, Маритта легла спать.

Посреди ночи старушку разбудил нетерпеливый, настойчивый стук в дверь.

Маритта накинула на плечи тёплую кофту и, посмотрев в окно, узнала сельского доктора.

Мужчина вошёл в дом, снял шапку, присыпанную снегом, сел на скамью в прихожей и в недоумении смотрел на Маритту.

— Ханна? — взволнованно спросила старушка.

Доктор кивнул.

— Неужели бедняжка умерла? — ахнула Маритта, присев рядом с доктором.

Доктор нервно покачал головой.

— Девочка исчезла, Маритта. Мать оставила её на минуту, вернулась, а постель пуста. Может быть, в приступе горячки Ханна выбежала за ворота? Но ночью, в такую метель... Какая трагедия! Жители уже ищут её. Я тоже пойду. Я только подумал, что вы должны знать.

Доктор исчез так же быстро, как появился, а Маритта принялась одеваться, застёгивая пуговицы пальто дрожащими руками.

Олли, Петри, Ханна... Маритта так стремилась утешить безутешных родителей. Но теперь даже её огонёк надежды едва теплился в жестокой северной ночи.

Глава 11

Олли и Петри чувствовали себя на фрегате желанными гостями. Мальчики обследовали каждый уголок корабля, изучили все каюты,

камбуз, капитанскую рубку, нашли спасательные шлюпки и даже небольшую пушку на случай самообороны.

В каютах их ждали застеленные постели, на привинченных к полу стульях была аккуратно сложена сменная одежда. Олли нашёл в своей каюте пару сундуков – они были заполнены книгами и альбомами для рисования.

Петри в первую очередь зашёл в камбуз и с удивлением обнаружил шкафы с разнообразной едой: там хранились рис и овсянка, горох, пара бутылок масла, питьевая вода, глубокая чаша с хрустящим печеньем, замороженная рыба в бочках со льдом, картофель и даже корзины свежих яблок! В буфете нашлась буханка ещё тёплого хлеба и баночка клубничного джема.

Олли спустился в камбуз вслед за Петри, нашёл жестяную банку с кофе, кофейник и приготовил ароматный напиток.

Мальчики не знали, что и думать – а признаться честно, размышлять и не хотелось. Они всё происходящее воспринимали как чудо, а если чудесам искать объяснения, и того хуже – их находить, то они теряют всё своё обаяние.

С аппетитом позавтракав, Олли и Петри поднялись обратно на палубу – туда, где по-хозяйски разгуливал тёплый морской ветерок,

солнце грело плечи и спины, а волны шёпотом рассказывали старинные легенды.

– Чем займёмся? – лениво зевнув, спросил Петри, наслаждаясь пленительным пейзажем.

– Только не ложись снова спать, – рассмеялся Олли, шутливо толкнув его в бок. – Давай немного порисуем, а там, может быть, и приплывём куда-нибудь. Ведь у любого моря есть край, а значит, рано или поздно мы придём к берегу.

– Поскорее бы, – мечтательно протянул Петри. – Тут очень красиво. И вкусно. И плыть на корабле мне нравится. Но уж очень скучно! Ничего не происходит. И тишина такая, что слышно, как волны слизывают с поверхности воды солнечные лучи. А на берегу мы, наверное, встретим кого-нибудь! Спросим, что это за место. И поищем дорогу домой...

– Тебе уже хочется домой? – удивился Олли.

– А тебе разве нет? – оторопел Петри. – Я всё думаю о своей маме, она сойдёт с ума от горя, если я не вернусь.

Олли задумался и прислушался к своему сердцу. Оно грустно отозвалось на слово «мама».

– Мне кажется, я понял, Петри, – признался мальчик. – Я очень волнуюсь за отца. Но я

страшно скучаю по маме и, наверное, надеюсь увидеть её здесь. Раз её нет там, понимаешь? Ведь где-то же она должна быть.

Петри с пониманием кивнул.

Мальчики замолчали и, устроившись на нагретой солнцем палубе, стали любоваться мягкими акварельными красками морского пейзажа. Небо сливалось с морем на горизонте, и у Олли появилось ощущение, что они находятся в глубокой синей фарфоровой чашке.

Мальчик усмехнулся забавному сравнению. Он был согласен и на путешествие в чашке, лишь бы понять, куда они попали, и только бы из этой чаши не вздумал испытать какой-нибудь сказочный великан.

Дни сменяли ночи, а ночи – дни, но берега по-прежнему не было видно.

Мальчики проводили ленивые летние дни: утром делали зарядку, купались, завтракали, читали и рисовали. Олли безуспешно пытался придать их путешествию смысл. Он нашёл в пустой капитанской рубке путевой дневник и остро наточенный карандаш. Мальчик был готов прилежно записывать происходящие события, изучать природу на новых островах, искать экзотические виды рыб и птиц.

Но беда была в том, что действительно ничего не происходило. Как казалось Олли, ничего, что заслуживало бы внимания.

Через несколько дней, проведённых на волшебном фрегате посреди бирюзово-солнечного моря, у мальчиков не осталось выбора: не имея возможности искать пищу для размышлений во внешнем мире, они обратили свой взор в мир внутренний.

Как часто яркие события и впечатления, гремящие в нашей жизни, как трубы под куполом цирка, мешают нам понять истинные радости и печали. Как часто мы прячем свои переживания в этот фантик внешнего мира – мы попросту боимся, что, развернув его, увидим пустоту.

Никто не любит разворачивать пустой фантик от шоколадной конфеты. Но в наших силах наполнить свой внутренний мир так, чтобы не было одиноко с самим собой.

Однажды утром Олли проснулся и почувствовал резкую боль. Мальчик с недоумением осмотрел себя, повертел головой, попрыгал, полежал на животе – боль не проходила. Она словно сжала в тисках всё его существо, хотя с виду он был абсолютно здоров.

Олли сел в постели, обхватил колени, уткнулся носом в ещё тёплую ото сна пижаму и

горько заплакал. Одиночество, как полноводная река, затопило его, оставило без воздуха, солнца и тепла. Олли так не хватало мамы. Её голоса и запаха, прикосновения её мягких ладоней, лёгкого, как одуванчиковые зонтики, смеха. Ему казалось, что он уже смирился со своей утратой. На похоронах старшие говорили ему, что «слезами горю не поможешь».

Олли вдруг понял, что горю можно помочь слезами. Можно выплакать своё горе, прокричать его, побить подушку от обиды, выплеснуть из себя это горькое солёное одиночество!

Олли плакал долго и безутешно. Он не услышал, как Петри тихонько приоткрыл дверь и уже несколько минут наблюдает за ним.

Наконец Петри деликатно постучал и осторожно подошёл к другу.

– Пойдём перекусим? Я сделал тосты с джемом. Немного пережарил, но есть можно!

Олли вытер нос рукавом пижамы и, замотав головой, запротестовал:

– Я не хочу есть. И переодеваться. И чистить зубы!

Петри взъерошил ему волосы и ответил:

– А давай у нас с тобой сегодня будет «пижамное утро»? И зубы можешь не чистить. Но тебе нужно поесть, – и слегка подтолкнув

Олли, он повёл мальчика на завтрак, говоря с ним с мягкой настойчивостью, как с маленьким.

А в то утро Олли и чувствовал себя маленьким. Обычным маленьким мальчиком, который потерял маму.

Глава 12

Настал момент, когда мальчики потеряли счёт времени. Они не знали, сколько дней провели на фрегате, а что самое неприятное – не знали, сколько ещё предстоит. У них было всё, что нужно: свежая еда и тёплые постели, заполненные книжные полки и залитое солнцем синее море с изумрудными волнами. Но всё это постепенно утрачивало свою притягательность: мальчики волновались о своих родных и стали мечтать о возвращении домой.

Они заново исследовали весь корабль в поисках секретной дверцы, волшебного зеркала или портала, но фрегат, казалось, лишь дружелюбно смеялся над мальчишками, шелестя на ветру берестяными парусами.

Однажды, отдыхая в лучах жаркого полуденного солнца, Петри потянулся и, стряхнув с себя дрему, предложил:

– Пойдём вниз? В каютах прохладно, я, наверное, почитаю что-нибудь до ужина.

– Иди, я скоро спущусь, – отозвался Олли, сдувая со лба непокорную чёлку. – Хочу проверить кое-что.

В глазах Петри загорелось любопытство, но он не стал выпытывать у своего нового друга его тайну. Захочет – сам расскажет. В конце концов, каждый имеет право на сокровенный секрет!

Олли подождал, пока за Петри закроется люк, ведущий вниз, и не спеша в задумчивости направился в носовую часть корабля.

До сих пор его не смущало то, что в неведомой волшебной стране фрегат ведёт их, куда ему угодно. Мальчик даже радовался этой беззаботности, ведь им не нужно было управлять кораблём, следить за курсом, дежурить у штурвала. Олли научился доверять морским течениям и радушному фрегату, гости которого ни в чём не испытывали нужды.

Но вот настал момент, когда мальчик начал уставать от вынужденного безделья.

Олли подошёл вплотную к штурвалу. Тот был устойчив и непоколебим, будто им управляли сильные руки невидимого капитана.

Мальчик осторожно протянул ладошки вперёд, глубоко вздохнул и взялся за штурвал. Тот доверчиво откликнулся на тепло его рук, а

фрегат чуть замедлил ход, будто приветствуя нового командира.

Олли улыбнулся спокойно и уверенно. Теперь он сможет увести корабль от коварных скал или болотистой мели, сможет развернуть судно, выбрать направление пути. Теперь и он нёс ответственность за свою жизнь и жизнь Петри в этом приключении.

Мальчишка расправил плечи и, держа штурвал, с удивлением ощутил, что эта новая ноша не давит на него, а, напротив, придаёт сил.

За спиной послышались тихие шаги: Петри боялся нарушить величие момента.

— Возьмёшь в помощники капитана? — с восхищением спросил он.

Олли радостно рассмеялся:

— Конечно! Побудь тут, поменяемся, когда я устану. Вряд ли теперь фрегат будет выполнять всю работу в одиночку.

Петри согласился и с важным видом встал рядом с Олли.

Вдруг мальчишки переглянулись и напряжённо прислушались. Затем необычайно оживились и стали оглядываться по сторонам.

Сквозь умиротворяющий шелест волн послышался девичий голос.

— Где она? Ты видишь? — воскликнул Петри, всматриваясь в морские глубины.

– Кажется, да! – Олли кивнул и уверенно направил фрегат в сторону незнакомки.

В волнах покачивался серебристый дельфин с умными и добрыми глазами. А за дельфиний бок, бултыхаясь в воде, держалась девочка. Её мокрые каштановые волосы расплывались в воде, как водоросли.

– Ты русалочка? – опешил Петри, отвесив неуклюжий поклон.

– Я Ханна! – с оскорблённым видом откликнулась девочка, а потом улыбнулась и добавила: – Вы не пригласите меня на борт вашего корабля?

– Подожди минутку! – крикнул Олли, осматривая носовую часть корабля в поисках якоря. Вскоре он заметил его – массивный, серебристый, как зимние сумерки, большой крюк, который умел удерживать корабль на одном месте. Петри понял друга без слов. Вместе мальчишки подняли тяжёлый якорь и сбросили его в бирюзовую морскую воду. Канат, к которому тот был привязан, зашевелился, как змея, почуявшая добычу, и, шурша, заскользил по палубе. Вскоре якорь достиг дна и уткнулся в мягкий песчаный морской живот.

– Я плаваю лучше тебя, – быстро проговорил Олли, подмигнул Петри и лихо нырнул в морские глубины. Через мгновение

девочка с его помощью оказалась на палубе желудёвого фрегата. Дельфин продолжал плыть рядом с кораблём, не спуская с мальчишек умных глаз.

– Он верный, как домашний пёс, – с гордостью сказала Ханна и, оглядев мальчиков с ног до головы, добавила: – Ну, рассказывайте! Как вы сюда попали?

Олли и Петри переглянулись и беспомощно развели руками.

– Ты можешь переодеться в сухую одежду в моей каюте. Угостим тебя горячим кофе с печеньем, а потом ты нам расскажешь всё, что знаешь об этом загадочном месте.

– Я знаю, что ничего не знаю, – поддразнила их девочка и подмигнула. – Но от кофе не откажусь! Кто первый? – И дети наперегонки побежали вниз, толкаясь и спотыкаясь на лестничных ступеньках.

Глава 13

Мальчики с жаром спорили, кто из них уступит девочке свою каюту, а сам будет спать на палубе под сиянием звёзд. Но и тут фрегат успел опередить их в радушии и благородстве. Рядом с мальчишескими комнатами появилась третья каюта, и в ней Ханну уже ждали чистая постель,

белоснежный платяной шкаф, украшенный ракушками, книги и даже корзинка с рукоделием. Всё это привело девочку в такой восторг, что она несколько минут кружилась на месте и хлопала в ладоши, а когда успокоилась, закрыла перед мальчишками дверь, чтобы вдоволь насладиться собственной уютной каютой и всё изучить. Затем девочка переоделась в сухое платье из мягкого льна, нашла в шкафу кожаные сандалии и, собрав волосы в простую причёску, вышла к капитану и его помощнику.

Олли и Петри, радуясь обществу нового человека, проводили гостью в камбуз. Появление Ханны на фрегате внесло в жизнь мореплавателей нотки домашнего уюта. Неизвестно откуда в каютах появились занавески, на столе в камбузе – скатерть.

Мальчики согрели кофейник и поставили на широкий стол блюдца с овсяным печеньем и чашу с нарезанной дыней.

И тогда, согревшись и отдохнув, Ханна поведала мальчишкам свою историю. Там, в другой жизни, она переехала с родителями в северную деревушку. Непривычная к суровым холодам, девочка вскоре простудилась и слегла. Она долго болела, врач не мог унять жар и разводил руками, огорчая отца и мать.

Мама Ханны переживала, плакала и не отходила от постели дочери. Чтобы развлечь девочку, она стала вышивать подушку с дельфином.

– В ту ночь, когда мама закончила вышивку, мне стало хуже, – рассказывала Ханна, – а когда я очнулась, то увидела, что плыву в море, а тот самый, вышитый мамой, дельфин поддерживает меня на воде. Сначала я испугалась, но море было тёплым, а вокруг так тихо, и я успокоилась. Здесь удивительный солнечный свет, я никогда такого не видела. Он словно соткан из солнечных лучей, лунных дорожек и блеска звёзд. Через несколько часов я увидела ваш корабль. Какое счастье, что мы встретились! Вместе будет легче найти выход из этого волшебного мира.

Олли и Петри переглянулись. Мальчишки оказались в таинственном море, когда чуть не замёрзли, а Ханна – когда ей стало хуже во время болезни. Надолго ли они здесь? Неужели навсегда? Ханна думала о том же.

Но даже самые страшные мысли не так пугают, если о них умолчать. И решив оставить сомнения при себе, дети принялись беззаботно болтать и пить сливочный кофе, звеня чашками и откусывая дольки медово-сладкой дыни.

– Ну всё, хватит прохлаждаться! – Олли встал из-за стола, смыл с рук липкий сок и повернулся к ребятам. – Я пойду подниму якорь и вернусь за штурвал. Пусть мы и не знаем, куда плывём, мне всё равно дорога иллюзия, что я сам управляю этим кораблём. Петри, ты покажешь Ханне фрегат?

Петри с готовностью кивнул.

– Да, капитан! Я буду её экскурсоводом. Покажу, где что находится, научу пользоваться спасательным жилетом.

– А зачем? – девочка испуганно захлопала глазами.

– На всякий случай, – важно ответил Петри и, добродушно посмеиваясь над Ханной, жестом пригласил её выйти из камбуза и следовать за ним.

Мальчик с гордостью показал Ханне каюты и капитанскую рубку, где уже стоял Олли, уверенно управляя фрегатом.

Затем дети прогулялись по палубе. Солнце светило по-прежнему ярко, но его лучи уже не обжигали, а приятно гладили щёки. Волны мягко обнимали дно корабля, а дельфин Ханны скользил в воде неподалёку, с тоской поглядывая на хозяйку.

Вдруг Петри заметил на палубе новый люк вниз.

– Как странно, – пробормотал он, подходя ближе. – Его здесь не было.

– Может быть, он тоже появился здесь вместе со мной? – предположила девочка и потянулась к серебристой ручке.

Из открытого люка тянуло прохладой и тайной.

– Идём, – Ханна смело сделала первый шаг, а затем бегом спустилась по винтовой лестнице.

Петри осторожно последовал за ней.

Перед ребятами открылась ещё одна комната. Просторная и светлая, она так и приглашала к отдыху. С потолка тянулись крепкие верёвки, к которым крепился уютный гамак из куска прочной парусины. Настенные деревянные полки приютили горы затейливых ракушек. На полу был брошен простой тканый половик, белый в голубую полоску. И повсюду висели морские пейзажи в аккуратных белых рамах. Часов в комнате не было, кровати или шкафа тоже.

– Здесь приятно находиться, – с удовлетворением заключил Петри и направился к гамаку. Он удобно устроился в нём и обратился к Ханне:

– Ну, рассказывай! У тебя и на лице всё написано, но я всё равно не понимаю, для чего это место создано или придумано тобой.

Ханна улыбнулась. Её лицо озарял нежный свет радости.

– Это комната для одиночества, – смущённо признала девочка. – Ну знаешь, такое место на фрегате, где каждый из нас сможет иногда спрятаться от других и побыть наедине с самим собой.

Петри не сдержался и громко захохотал:

– Ханна, ну ты даёшь! Здесь и так нечем заняться, мы с Олли уже обо всём поговорили, всё переделали и обо всём поразмышляли. Мы уже готовы бежать от одиночества. А ты говоришь, что нам нужна для этого отдельная комната.

– Вам, может, и не нужна, а мне нужна, – задумчиво ответила девочка, а потом добавила: – Петри, я заметила, что Олли хмурился, когда я рассказывала о своей маме. Почему?

Петри перестал смеяться и выбрался из гамака.

– У Олли недавно умерла мама.

Ханна ахнула и прикрыла лицо ладошками.

– Да, – продолжил мальчик. – Поэтому, будь так добра, не приставай к нему с разговорами об одиночестве.

Ханна с пониманием кивнула, но робко возразила:

– Это ведь совсем другое, Петри. Одиночество Олли – вынужденное, горькое и страшное. А то одиночество, которое выбираешь сам – светлое и доброе. И порой очень нужное. Мне кажется, мы тут задержались. Пойдём наверх? Ты сменишь Олли, а он отдохнёт.

Петри с интересом взглянул на неё: что она задумала, эта девчонка? Но Ханна равнодушно улыбнулась ему и пошла к лестнице. Мальчик пожал плечами, догнал её, и они вместе вернулись к Олли.

Взгляд мальчика был устремлён вдаль, а руки прочно сжимали штурвал.

Но Ханне казалось, что его мысли – глубоко внутри, а в руках он словно изо всех сил сжимает, как в тисках, собственное сердце, чтобы оно не разорвалось от горя.

– Петри не показал мне корму корабля, – обратилась к Олли девочка. – Давай посидим здесь, посмотрим на волны?

Олли охотно согласился – руки устали от непривычного напряжения, и он был рад просто

сидеть и любоваться бескрайним морем и первыми красками южного заката.

Дети присели на остывающую от зноя палубу и наблюдали, как фрегат оставляет после себя взбитые сливки пены, разрезая морскую воду легко, будто растаявшее масло.

– Как хорошо, – вдруг прошептал Олли самому себе, позабыв о том, что рядом Ханна.

– Что хорошо? – тут же любопытствовала девочка.

Олли встрепенулся и будто пришёл в себя.

– Я говорю, как хорошо смотреть на эти уходящие всё дальше волны и гребешки пены... Оставлять их позади. Смотреть, как они растворяются в прошлом, и на душе от этого становится легко-легко. Вот бы люди умели так оставлять в прошлом свои печали.

Ханна слушала не перебивая.

– Думаю, Петри уже рассказал тебе обо мне. Порой мне кажется, что я уже в порядке: хожу, живу, дышу, ем, что-то делаю. Но иногда посреди ночи меня охватывает отчаяние, мне хочется бежать от того, что случилось. Я успокаиваюсь, когда вспоминаю, что нахожусь на фрегате. Здесь я могу дать волю своим чувствам, не боясь, что расстрою отца. И затем, когда море качает меня на волнах, я ощущаю себя в материнских объятиях и засыпаю. Но с

каждым днём мне всё сложнее засыпать без слёз.

Ханна кивнула:

– Я тебя понимаю, Олли. Сейчас тебе сложно поверить в это, но однажды, когда пройдёт больше времени, ты увидишь, как горести тают в прошлом. А в настоящем ты оставишь только счастливые воспоминания о маме. Хочешь рассказать мне о ней? Мне было бы интересно послушать. Какой она была?

Олли с сомнением взглянул на девочку:

– Тебе что, правда интересно?

Ханна кивнула и улыбнулась:

– Да, конечно. Только я немного замёрзла, сбегая в каюту за пледом и вернусь. – Ой, смотри! – воскликнула девочка, показывая Олли на плед в жёлто-зелёную клетку, заботливо брошенный ей на колени.

– Спасибо тебе, фрегат! – рассмеялся Олли, подмигивая девочке.

И он начал свой рассказ. Его воспоминания лились легко, морские волны ласково баюкали корабль, Петри стоял на посту, а Ханна внимательно слушала.

Девочка была права. В рассказе Олли мама оживала: она смеялась и плакала, пела и танцевала, сажала цветы и пекла яичницу – будто ничего не случилось. Вскоре Ханна уснула,

и Олли взял её на руки и отнёс в каюту, а сам сменил Петри у штурвала.

Впервые за всё время, проведённое без мамы, он почувствовал себя лучше.

Впервые он по-настоящему осознал, что мама не покинула его – она всегда с ним рядом, в его сердце. Мальчик улыбался, а над фрегатом сгустились тучи и зажигались яркие звёзды.

Глава 14

Мальчики быстро привыкли к обществу Ханны. Дни на фрегате проходили дружно и весело; каждому находилось занятие по душе, тема для беседы и блюдо по вкусу.

Но всё же тоска непрощённым гостем стучалась в детские беззаботные души. Дети скучали по родителям, а больше всего – по прежней жизни, где всё было предопределено и понятно. Даже от приключений и тайн, оказывается, можно устать.

Однажды утром Ханна принялась хлопотать в камбузе, наводить порядок, чтобы отвлечься от грустных мыслей. Олли позавтракал вместе со всеми и теперь собирался наверх, к штурвалу. Петри помогал Ханне раскладывать по шкафчикам банки с джемом и коробки с овсяными хлопьями.

Вдруг все замерли и пристально посмотрели друг на друга. Что-то было не так. Море, обычно такое спокойное и мирное, вдруг разволновалось; шелест волн превратился в угрожающий рокот.

Фрегат внезапно подбросило высокой волной. Затем ещё одной. Дети обеспокоенно переглянулись.

– Берегись! – крикнул Олли, хватая за руку девочку и отдёргивая её от кухонных полок, с которых полетела посуда. Тарелки звонко бились, осколки летели во все стороны.

– Всем наверх! – позвал Петри, и дети выбежали на палубу.

Привычное светло-голубое акварельное небо с солнечными веснушками превратилось в чернильно-синее. По нему золотыми лентами проносились молнии. Море, их приветливый друг, в одно мгновение обернулось коварным врагом. Волны со свирепым рычанием бросались на фрегат, норовя укусить его за желудёвые бока. Серебристый дельфин, удивлённо моргая печальными глазами, держался неподалёку.

– Фрегат, милый, держись! – крикнула Ханна, но её голос потонул в рёве волн.

– Всё как тогда, – прошептал Олли на ухо Петри. Тот кивнул и крепко сжал руку друга.

И тут из неба, как из прохудившегося сапога, хлынула вода. Дождевой занавес открылся, и начался страшный шторм.

Фрегат держался на воде героически, но дети понимали, что эту битву ему не выиграть. Через несколько минут берестяные паруса уже были изрядно потрёпаны хулиганскими ветрами, а палуба была наполовину затоплена.

– Если корабль пойдёт ко дну, держись за своего дельфина! Он тебя вытащит! – прокричал Олли Ханне, пытаясь удержаться за мачту и не сорваться в воду. Солёные брызги падали на лицо и щипали глаза.

– А как же вы? – испуганно воскликнула Ханна.

– Мы хорошо плаваем, – попытался успокоить её Олли.

Тут корабль столкнулся с каменными валунами, стоявшими на его пути; судно трянуло, огромная волна подняла его высоко-высоко, а затем беспощадно сбросила вниз.

– Прыгайте! – завопил Петри, и дети, как рыбки, соскользнули с корабля в тёмную грозную воду.

...Ханна открыла глаза и поняла, что лежит на спине на чём-то мокром и шершавом. Песок. Спина нестерпимо ныла. Она попробовала пошевелить руками и ногами – всё было цело,

если не считать боли от ссадин и царапин. Девочка осторожно села и осмотрелась по сторонам.

Морской берег был залит тусклым лимонно-солнечным сиянием. Море понемногу успокаивалось, расстилая волны, словно выстиранные ковры; небо прояснилось.

Ханна с беспокойством искала глазами мальчиков. Дельфин подплыл к самому берегу и радостно забил плавниками по воде, приветствуя хозяйку.

Чуть поодаль девочка услышала глухой стон, он раздавался за лодками, перевёрнутыми кем-то для просушки.

Ханна с трудом поднялась и, прихрамывая, побрела в ту сторону.

Олли и Петри лежали рядом друг с другом, бледные и уставшие. Одежда на них была разорвана, а тела, как и у Ханны, — в царапинах и синяках. Мальчики встретили подругу измученными улыбками.

Ханна кивнула и прилегла рядом.

Они лежали втроем там, на краю моря или земли, смотрели в бесконечное голубеющее небо, слушали тихий шёпот волн и биение своих сердец, и думали обо одном: они были живы.

Дети лежали долго, согреваясь на берегу и наслаждаясь спокойствием. Олли заговорил первым:

– Фрегат жалко...

Друзья молча кивнули, глядя в небеса. Вот и Ханна приподнялась на локте и осмотрелась по сторонам:

– Ну что ж, по крайней мере, мы живы и на берегу. Вы можете встать? Предлагаю тут всё исследовать, пока нас не нашли дикие звери. Или люди.

Петри кивнул и помог ей встать. Олли с трудом поднялся и отряхнул, как мог, песок с подсохшей одежды.

И тут мальчик увидел недалеко от берега валуны. Крохотный каменный остров, с которого началось их путешествие. Неужели они вернулись домой? Олли радостно вскрикнул и махнул рукой в сторону камней, не находя нужных слов. Петри с изумлением заметил укромный островок и тоже запрыгал от радости. Ханна смотрела на обоих с немym вопросом.

– Ты не узнаёшь, Ханна? – отдышавшись, спросил Олли. – Это же наша деревушка! Вон там каменные валуны в море, а позади нас зелёные склоны. Скорее бежим к родителям, вот они обрадуются!

Девочка заулыбалась, и все трое, взявшись за руки, помчались вверх по склону. С вершины им была видна вся деревушка: издалека домики напоминали сложенные из печенья шалаши.

Олли нахмурился:

– Тут что-то не так.

– О чём ты? – недоумённо уточнил Петри.

– Вы как хотите, а я побегу вперёд. Догоняй!

Но Олли схватил его за локоть и остановил.

– Подожди. Посмотри и послушай.

Петри раздражённо сбросил с себя руку друга и прислушался. Царила тишина. Светлая летняя тишина, когда слышно, как мимо пролетает стрекоза или бабочка.

– Слишком тихо, понимаете? – подсказал Олли. – Не хлопают двери. Не кричат хозяйки на рынке. И никого не видно: фермеры не везут по дорогам тачки, старшие сёстры и братья не возятся с малышами. И здесь лето, а мы попали на фрегат в канун Рождества.

Ханна сердито размазала по лицу подступившие слёзы.

– Значит, мы всё ещё не дома? Зачем мы здесь? Может быть, сегодня праздник, и все ушли на Морскую площадь? – с надеждой спросила девочка.

– Давайте проверим, – согласился Олли, и дети пошли в сторону площади.

По пути им попадались деревянные игрушки, брошенные на просёлочных дорогах. Из приоткрытой лавки пекаря доносился аппетитный запах свежих хлебов, но хозяина не было видно. Стол цветочницы был заполнен свежими букетами в ведёрках и глиняных горшках – казалось, их составила невидимая мастерица. И так повсюду дети видели следы насыщенной, яркой, наполненной запахами, звуками и чувствами жизни, но никого не видели вокруг.

– Выглядит жутковато, – призналась Ханна, с беспокойством оглядываясь по сторонам. – Как будто в деревню пришёл злой рок, и все жители сбежали от него.

Мальчики молча согласно кивнули и продолжили путь.

Вот и до боли знакомая и родная Морская площадь. Место, где все встречались по праздникам или поддерживали друг друга в печали. Вот и почтовое отделение, где работает Арто, папа Олли. Обычно на площади всегда было шумно илюдно, и от страха у Олли всё онемело внутри.

Петри заговорил, и в этой мёртвой тишине его голос звучал гулко и густо, как в пещере:

– Ребята, а что, если это обман, иллюзия?
И на самом деле все жители здесь, дома, а мы их
попросту не замечаем?

– Что ты имеешь в виду? – удивился Олли.
– Ты же сам видел – никого нет.

– Я подумал, что, когда был в декабре на
ярмарке, я видел площадь такой же пустынной,
как сейчас, – смущённо пояснил Петри. –
Понимаете, я был поглощён своими мыслями и
заботами и не видел никого вокруг. Папа потом
сделал мне замечание: я не заметил, что рядом
Маритта несла тяжёлую сумку, а новый столяр –
теперь я знаю, что это папа Ханны, – столяр
оступился и ненароком поставил тяжёлый комод
себе на ногу.

– Не понимаю, к чему ты клонишь, –
вмешалась Ханна.

– Я хочу сказать, что порой мы так много
думаем о себе, что не замечаем ничего вокруг! –
выпалил Петри.

Его слова прозвучали, как заклинание.

Площадь начала наполняться музыкой и
разговорами. За столом с цветами появилась
миловидная цветочница, пекарь вынес жителям
поднос с горячими булочками, а из почтового
отделения вышли почтальоны. Папы Олли среди
них не было. Дети растерянно смотрели друг на
друга, боясь поверить внезапному счастью.

Теперь всё было наоборот – они видели и слышали других, но другие совсем не обращали на них внимания.

И вот тогда ребятам стало по-настоящему страшно. Неужели их не видят? Неужели они превратились в бесплотные души и больше никогда не смогут обнять своих родных?

– Больше всего я хочу вернуться в то утро, когда замёрзло море, – всхлипывал Олли. Его худые плечи дрожали под тонкой курточкой.

– Я хочу домой, – плакала Ханна, теряя надежду вновь увидеть маму и папу.

– Зачем я в тот день отправился на рыбалку? – сокрушался Петри.

Дети плакали, а жизнь вокруг продолжалась, словно их исчезновения никто и не заметил. И ребята заплакали ещё горше.

Вдруг совсем рядом с ними раздался громкий голос. В нём чувствовалась сила бушующих ветров и непокорных волн:

– Вы правда хотите вернуться домой?

Ребята вздрогнули и вытерли слёзы.

– Да! – твёрдо ответил за всех Олли. – Но сначала скажи нам, кто ты?

– Я Дух моря, – примиряюще ответил голос. – И я расскажу вам, как вернуться домой.

– А как мы узнаем, что это не очередной фокус или не ловушка? – подозрительно спросил Петри.

– Вы этого не узнаете. Вам придётся мне довериться, – был ответ.

– Мы готовы, – расправив плечи, сказала Ханна.

Тогда жители деревни растворились, как во сне, и снова наступила тишина.

В этой тишине было слышно, как гулко бьются детские сердца. И был виден приближающийся к ним по пыльной площади Дух моря: грозный старик с седыми волнами волос, в развевающейся тёмно-синей мантии и с пенными гребешками вместо усов.

Глава 15

Ребята остолбенели перед суровым Духом моря, вытянувшись в струночки, как на школьной линейке.

– Да что вы выстроились перед мной, как водоросли, – заворчал старик, переходя по очереди от одного к другому.

Олли заговорил первым. Робко подняв глаза на Морского Духа, он спросил:

– Вы сказали, что поможете нам вернуться домой.

– Помогу, – признался старик. – Ведь это я не удержался и решил поиграть с твоим желудёвым фрегатом, уж очень ладный он у тебя вышел, – и Дух моря лукаво заулыбался. – Но всякой игре приходит конец.

Ханна нетерпеливо теребила свою курточку, Петри пинал невидимый камушек, Олли внимательно слушал. Страх перед Духом моря отступил – его растопило жгучее желание увидеться с отцом.

– Вам нужно в Часовую башню, – наконец изрёк старик. – Поднимайтесь наверх и переведите стрелки часов на то утро, когда ты, Олли, собирался идти с отцом на работу. И вы вернётесь домой, ваше путешествие будет окончено.

– И что, всё так просто? Никаких сюрпризов? – недоверчиво уточнил Олли.

– Ну почему же, – тихим, как шелест прибоя, смехом рассмеялся старик. – Без сюрпризов обойтись не получится. Приятных или нет – решать вам, – и он зашагал к башне.

– Вы пойдёте с нами? – удивилась Ханна, догоняя старика.

– Пойду, моя дорогая, – неожиданно мягким тоном сказал Дух моря. – Если вам понадобится помощь, я буду рядом.

Дети успокоились, на их лицах заиграли лёгкие, как солнечные блики, улыбки.

– А на сколько дней назад нам нужно перевести время? – уточнил практичный Петри.

– Замечательный вопрос, – улыбнулся в ответ Дух моря. – Переведите стрелки на восемь суток назад.

Вся компания подошла к Часовой башне. Дети заглянули внутрь: пахло сыростью и холодным камнем. Олли шагнул внутрь и разглядел узкую винтовую лестницу в темноте.

– Ну что, вперёд! – решительно позвал он друзей.

Но вдруг вскрикнул и в испуге отпрыгнул назад. Лестница исчезла, а его нога ступила в оглушающую пустоту.

– Что это такое? – рассердился Олли, оглядываясь на старика. – Опять ваши шуточки?

– Это не мои шутки, – грустно улыбнулся старик, – а ваши.

– Я не понимаю, – замотала головой уставшая Ханна. – Если это загадка, то нужна подсказка.

– Одну загадку Петри уже разгадал там, на площади, – охотно кивнул старик. – Теперь отгадайте новую.

– Да, Петри, ты так верно сказал о том, что мы так мало думаем о других, и так много о себе,

– признательно сказала Ханна, подходя к мальчику. – Спасибо тебе.

Петри смущённо махнул рукой:

– Да ладно, чего там!

Раздался лёгкий металлический звон, и на лестнице появилась первая ступенька.

Олли с интересом подошёл ближе и продолжил:

– Подумаешь, до этого бы любой дурак додумался!

Дзинь! Ступенька исчезла снова.

– Прости, Петри, – подбежал Олли к другу.

– Я хотел проверить свою догадку. Не хотел тебя обидеть, ты и правда молодец! Смотрите, от доброго поступка или слова появляется новая ступенька, видите? А от грубых слов или злого дела ступенька исчезает...

Дух моря слушал и одобрительно кивал.

– Значит, чтобы попасть наверх, к главным часам, нам нужно вспомнить свои хорошие поступки.

Ханна опустила глаза:

– Не знаю, ребята. Мне как-то неловко себя нахваливать.

Дзинь! Первая ступенька вернулась на место.

– Значит, это должен вспоминать за нас кто-то другой.

– Это буду я, – слышался нежный голос, и из глубин башни вышла...Терхи, мама Олли!

Мальчик вскрикнул и побежал ей навстречу, но подойдя ближе, остановился, как зачарованный. Маму нельзя было обнять – она была невесомой и прозрачной, овеянной волшебным розоватым сиянием.

– Мой милый мальчик, – прошептала мама. – Я тоже очень тоскую по тебе и папе. Но иногда происходит то, что от нас не зависит. Из-за своей печали ты попал сюда, в эту сказочную страну. Позволь мне помочь тебе вернуться домой. Я всегда буду с тобой, ты об этом уже знаешь. Но тебе пора возвращаться.

Олли смахивал закипающие в глазах слёзы, а они всё бежали и бежали по загорелому лицу.

– Хорошо, мама, – наконец выговорил он. – Помоги нам, пожалуйста. И знай, что я никогда, никогда тебя не забуду... – и Олли осторожно дотронулся до невесомой любимой материнской руки.

Та ласково благословила его и отошла в сторону.

– Я помню, как Олли однажды спас хромую бродячую собаку с просёлочной дороги. Он волновался, что та попадёт под телегу.

На лестнице появилась вторая ступенька.

– А я помню, как Олли дразнил соседского мальчика, когда тот по ошибке съел ядовитую ягоду и у него сильно болел живот, – вдруг сказал Дух моря, и ступенька снова исчезла.

– Я видела, как Петри помогает своему отцу во время ярмарок, – спокойно продолжала мама Олли. – Ещё мне известно, что Ханна прилежно учится у своей мамы ведению домашнего хозяйства.

Дзинь, дзинь! – появились сразу две ступени.

– А я припоминаю, что Ханна однажды незаметно стащила с прилавка полосатый рождественский леденец, – неумолимо продолжал Дух моря.

Казалось, этой битве не будет конца. Терхи защищала детей и рассказывала об их хороших поступках, а Дух моря обличал ребят, вспоминая те дела, о которых дети мечтали забыть.

Лестница стараниями Терхи была возведена уже наполовину, когда дети, измученные тревогой и угрызениями совести, сели на каменный пол башни и глухо зарыдали.

– Да, мы сделали всё это! Иногда мы вели себя, как злые и неблагодарные! Но если бы мы знали, что это может помешать нам вернуться домой! – сквозь слёзы услышал Дух моря голос Олли.

– Злые поступки и мысли мешают людям возвращаться домой независимо от того, знают они об этом заранее или нет, – мягко проговорил Дух моря. – Дорогие мои, вы нашли разгадку. Часы ждут вас.

Ребята подняли глаза и не поверили: прочная лестница была на месте и приглашала их наверх.

– Ключ к этой лестнице – раскаяние, – просто пояснил добрый Дух моря. – Нет идеальных людей, все совершают ошибки. Но раскаяние меняет сердце и помогает продолжить путь.

Седой старик поклонился детям, закружился морским водоворотом, разбился на волны и исчез за дверями Часовой башни.

– Мама! – позвал Олли. – Мама, где ты? – с отчаянием повторил он.

Но Терхи не было видно.

– Спасибо, мама, – прошептал Олли. – Я люблю тебя. Я вернусь к отцу, и мы вместе будем всю жизнь любить тебя. До встречи.

И он послал воздушный поцелуй в пустоту.

Мама, спрятавшись за колонной, поймала этот поцелуй, как хрупкую драгоценность, и прижала к сердцу:

– Будь счастлив, сыночек, – прошептала она вслед удалявшемуся сыну. – Всему своё время.

Дети поднялись по гулко звенящим ступеням на самый верх, к старинному часовому механизму.

И Петри, чей дядя был часовым мастером, принялся усердно переводить стрелки на восемь суток назад.

Глава 16

Первое, что почувствовал Олли, когда открыл глаза, была тяжесть пухового одеяла и непривычно замёрзшие ноги. Он потёр одну ступню о другую, откинул одеяло и сел. Мальчик рассматривал пол: деревянные половицы с такими знакомыми трещинками. Его сердце возликовало. Как он опасался, что часы не сработали и он всё ещё далеко от дома, в холодной каменной Часовой башне!

Олли нашёл на краю кровати шерстяные носки, с наслаждением натянул их и встал. Пол привычно заскрипел.

Папа Арто что-то пробурчал сквозь сон, сидя на скамейке у окна. Бедный папа, он провёл так всю ночь, всматриваясь в звёзды и пытаясь найти среди них маму!

Олли на минуту показалось, что морское путешествие ему приснилось, и мальчик грустно вздохнул. Конечно, там порой было одиноко, но на корабле он обрёл настоящих друзей и познал так много сокровенных истин. И в той сказочной стране он видел маму...

Взгляд мальчика скользнул по обстановке комнаты и остановился на детской курточке. Небрежно брошенная на спинку стула, она будто протягивала к Олли свои рукава.

Мальчик подошёл и нетерпеливо вывернул карманы.

И в следующее мгновение ахнул, прижав что-то бережно к груди.

Крохотный желудёвый фрегат, пропитанный солнцем и морем. От куртки пахло солью и рыбой...

Арто наконец открыл глаза и, разминая спину, окликнул сына:

— Что ты там потерял, Олли? Я же просил тебя собрать вещи с вечера.

Олли бросился к отцу и повис на нём, обняв руками за шею, а лицом зарылся в колючую бороду. Мальчик украдкой вытирал набежавшие слёзы, но они всё текли и текли, как будто он снял плотину со своей горюющей души.

— Ну, будет тебе, будет, — ласково шептал папа, глядя сына по голове и целуя в лоб. — Мы с

тобой справимся, слышишь? Ты и я. Мы всё вынесем, вместе.

– Ты, я и мама... – срывающимся голосом ответил Олли. – Она по-прежнему с нами, я точно знаю! Ты мне веришь?

Арто крепко обнял мальчика и внимательно посмотрел ему в глаза.

– Я тебе верю, милый. И знаю, что прямо сейчас твоя мама смотрит на тебя и гордится тобой. А теперь давай умоемся, позавтракаем и в путь. Кто-то обещал сегодня поработать почтальоном!

– Есть, капитан! – воскликнул Олли и, смутившись в ответ на удивлённый взгляд Арто, поставил кофейник на огонь.

Какое счастье, что Арто не помнил, сколько страданий перенёс, пока искал своего мальчика.

Какая радость, что Олли запомнил все деликатные уроки, которые получил в дар на желудёвом фрегате.

Пока папа и сын одевались в тёплые куртки, шапки и шарфы, Олли размышлял о том, помнит ли обо всём Петри и как теперь помочь Ханне – ведь он знал, что девочке предстоит тяжёлая болезнь, если не получится вмешаться.

Никто из взрослых не поверит его истории о фрегате, его сочтут глупым фантазёром. Все они, взрослые, такие!

Или не все?

Олли счастливо улыбнулся, надел пушистые варежки, взял папу за большую, надёжную руку, и папа с сыном отправились на почту.

– Папа, можно я загляну к Петри по дороге? – сквозь жестокий ветер прокричал Олли, пока они шли, увязая в высоких сугробах.

– Загляни, если нужно, – согласился папа. В его голосе слышалось изумление. С каких это пор Олли заглядывает в дом к заклятому врагу?

Арто подождал сына у ворот, а Олли проворно сбегал к крыльцу дома и настойчиво постучал. Ему открыл мальчишка со счастливым заспанным лицом. Из дома доносился запах горячих оладий со сгущённым молоком.

– Олли!

– Петри!

Мальчишки крепко обнялись и расхохотались.

– Друзья навеки? – предложил Олли.

– Охотно, капитан! – с достоинством кивнул Петри и пригласил: – Оладьи будешь?

– Нет, друг! Нужно помочь Ханне, понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Петри, помрачнев. – Давай я пойду с тобой!

– Нет, спасибо, одному будет быстрее. Но в следующее приключение – только вместе. И не вздумай сегодня идти рыбачить!

– Ни за что на свете, – рассмеялся Петри.

И тепло попрощавшись, Олли поспешил обратно к отцу.

– У тебя новый друг? – улыбнулся Арто, наблюдавший за беседой мальчишек издали.

– Да, папа. И не простой друг, а самый что ни на есть закадычный! – ответил сын.

После почтового отделения Арто и Олли шли вдоль береговых холмов. Царила непривычная тишина.

– Олли, похоже, море замёрзло. Ну и дела! Пойдёшь посмотреть? – предложил почтальон, зная любовь сына к бушующему морю.

– Нет, папа, – твёрдо отказался Олли. – Сегодня у меня есть дела поважнее.

– Ты вчера лёг спать таким маленьким, а проснулся взрослым – когда ты успел так вырасти? – недоумевал Арто.

– Я всё тот же, папа, – смутился Олли. – Или почти тот же. Однажды я тебе обо всём расскажу.

– Буду очень ждать, – согласился Арто. – Только долго не томи, – улыбнулся он.

И почему Олли раньше не замечал, что у его папы самая добродушная улыбка на свете?

Наконец мальчик заметил, как в снежном буране мерцает огонёк свечи Маритты.

– Я замёрз, папа, – тут же сказал Олли. – Ты не будешь против, если я побуду в гостях? А ты зайдёшь к нам позже?

– Иди скорей! – забеспокоился отец. – И попроси у Маритты тёплую домашнюю обувь.

Родной папин голос остался позади, и Олли что есть сил побежал наверх по склону, в уютный домик доброго друга.

– Проходи, Олли! – обрадовалась Маритта, помогая ему снять намокшую от снега куртку.

«Её серебристые косы похожи на прибрежный песок», – подумал Олли, но спохватился и выпалил:

– Мне нужна ваша помощь.

– Что такое? – разволновалась старушка. – Я готова тебя выслушать, Олли. Надеюсь, наша беседа не мешает тебе согреться чашкой кофе и парой корвапуусти?

– Неужели вы печёте коричные булочки в будни? – восхитился Олли, предвкушая вкусное лакомство.

– Ну не всё же нужно делать строго по правилам, – рассмеялась Маритта, накрыла на стол и усадила своего маленького гостя. – Я тебя слушаю, – добавила она и внимательно посмотрела на мальчика.

В нём что-то изменилось. словно тень сошла с его лица, и теперь оно снова светилось радостью и добротой.

– Вы мне, наверное, не поверите, – робко начал Олли.

– Я тебе верю, – перебила его Маритта. – Выкладывай всё, как есть. Раз ты так спешил ко мне, у нас мало времени.

И Олли рассказал всё. О замёрзшем море и каменных валунах. О Петри и проруби. О том, как мальчики ждали помощи и чуть не замёрзли. О том, как он смастерил фрегат. Рассказал о волшебном морском приключении, о Духе моря и Часовой башне. О том, как видел маму.

Маритта слушала не перебивая, лишь изредка вздыхала и вытирала глаза кружевным платочком.

– Я знаю, чего ты хочешь, – заговорила она, когда мальчик притих. – Я немедленно пойду в дом Ханны и попробую помочь бедняжке. Сейчас самое начало болезни, мои травы и настойки не допустят осложнения после простуды. Ты молодец, Олли. Дождись здесь папу, вместе пообедайте и будьте как дома. Я скоро вернусь.

И Маритта набросила на плечи шаль, собрала в корзину баночки с лекарствами, пучки трав и вышла, прикрыв дверь.

Через секунду в дверном проёме показалась седая голова, присыпанная снегом:

– И не думай, Олли, что нет таких взрослых, которые верят в сказки! – Маритта лукаво улыбнулась и отправилась в дом столяра.

Олли сидел у окна и смотрел, как её хрупкая фигурка исчезает в снегу. Он успел. Он сделал всё, что мог. И тогда, и сейчас. Скоро придёт папа, и они будут болтать обо всём на свете, греться у огня и смеяться до слёз.

А в конце следующей недели папа принесёт из леса пышную, пахучую рождественскую ель. Их старый дом наполнится ароматами хвои и смолы, зазвенит сияющими игрушками, купленными у стеклодува. Арто заботливо развернёт гирлянды из белоснежных снежинок, связанные мамой, и развесит над кухонным столом и кроватью сына.

За окном домика Маритты по-прежнему бушевала вьюга. Олли прикрыл глаза, чувствуя, как в душе разливается благодатное тепло.

Всё, что он чувствовал в этот момент, можно описать одним словом: «Спасибо».

От автора

На написание этой истории меня вдохновил старший сын. Однажды он смастерил мне в подарок желудёвый кораблик со сливочно-белыми парусами из пластилина.

Я несколько дней присматривалась к фрегату, говорила с ним, рассматривала его палубу. Спрятанная история ощущалась всеми фибрами души, но не показывалась.

Пока вдруг в моё воображение не «пришёл» мальчик Олли из Финляндии. Олли присел на край моего письменного стола и признался, что у него умерла мама и ему очень грустно и одиноко. И его папе, почтальону Арто, тоже горько и тяжело.

Мы вместе взглянули на фрегат и, взявшись за руки, отправились в долгое книжное путешествие. В нём нашлось место сказке, настоящей дружбе, поиску мира и утешения, проживанию утраты через призму христианства.

Я искренне надеюсь, что эта добрая история найдёт отклик в сердцах детей и взрослых.

Спасибо, милый Олли, за твоё доверие. Я верю, что у тебя всё будет хорошо.

С любовью, Ульяна Сергеева

Ульяна Сергеева – сказочница, романистка и поэтесса. Автор 7 книг.

Узнать больше о произведениях писательницы можно в личных блогах:

https://vk.com/uliana_blog

https://www.instagram.com/kruzhevo_zhizni/

Электронная почта автора:

uliana.ferdman@gmail.com